

]

Тронутый заморозками шпинат на вкус оказался особенно сладким.

Цянь Вэй захотела купить немного с собой.

— Я серьезно: и пользы куча, и вкусно, и за фигуру можно не переживать. Сокровище, называй цену!

Шань Циншань с палочками в руках хранил молчание.

— Деньги не... — начала Цянь Вэй.

— Не шуми, он думает, — перебил ее Чжоу Чун.

— Тебе правда кажется, что он хороший? — спросил Шань Циншань.

— Конечно!

Цянь Вэй постеснялась сказать вслух: «При такой-то бедности у вас наверняка и денег на пестициды нет».

А значит — сплошная эко-органика!

— А можно ли продавать деревенские продукты через интернет? — поинтересовался Шань Циншань.

Чжоу Чун горячо одобрил:

— Отличная идея!

— В сети в основном продают оптом товары крупных производителей, — подхватила Цянь Вэй.

— А вот прямые поставки от простых крестьян встречаются редко, это можно считать новой нишей.

— Только мне не хотелось бы, чтобы это держалось исключительно на хайпе, — заметил Шань Циншань.

Пока знаменитости здесь — люди покупают; уедут — и все заглохнет.

— К тому же нужны каналы сбыта, логистика, ассортимент, контроль качества... Да и продуктов в деревне не так уж много.

— Сколько есть, столько и продадим, — предложила Цянь Вэй.

— О чем ты переживаешь, пока здесь съемочная группа? — вмешался Чжоу Чун. — Семь стримов, сотни миллионов просмотров — бесплатная реклама! Компании, едва пронюхают о твоей задумке, сломя голову бросятся к продюсерам. Для них это и бесплатный пиар, и отличный вклад в социальный имидж бренда. К тому же за поддержку сельского хозяйства государство дает субсидии и налоговые льготы — для бизнеса сплошная выгода. Просто жди, они сами придут.

— ...А что касается нехватки товара, — продолжил Чжоу Чун, — местные власти сами решат

этот вопрос. Скорее всего, подключат соседние деревни и подтянут экономику всего района.

Шань Циншань и Цянь Вэй с изумлением уставились на Чжоу Чуна.

Звучало на редкость профессионально.

Чжоу Чун вскинул бровь и с улыбкой обратился к Шань Циншаню:

— У моей семьи свой бизнес, Сокровище.

— За пару дней в деревне я уже и забыла, что ты мажор из богатой семьи, — усмехнулась Цянь Вэй.

Чжоу Чун подался вперед, поддразнивая Шань Циншаня:

— Если дело выгорит, твой дом уже не будет просто домом — его превратят в туристическую достопримечательность! Вокруг кровати, на которой мы спали, натянут ленточку, и народ будут водить толпами: посмотреть да поклониться.

...

Картина живо встала перед глазами.

— Да это же великая заслуга, Сокровище! — не унимался Чжоу Чун. — Можешь смело баллотироваться в президенты США или премьер-министры Японии! Превратишь Америку и Японию в деревенские фабрики, остановишь развязывание войн и сброс радиоактивных вод в океан. Люди заживут в мире и достатке, моря очистятся, а вместо статуи Свободы водрузят позолоченный монумент моего Сокровища Циншаня!

Его несло все дальше в дебри абсурда.

Цянь Вэй покатывалась со смеху, держась за живот, и клятвенно обещала на выборах отдать голос за братишку Циншаня.

Шань Циншань густо покраснел и отобрал у Чжоу Чуна пиалу:

— Хватит есть!

[Бред бредом, но в этом определенно есть логика!]

[Какое же наше Сокровище Циншань светлое и правильное! Сам увидел шанс и сразу подумал обо всей деревне! Умница, золотой ребенок!]

[Фанаты поддерживают! Пусть Сокровище Циншань не станет президентом США или премьером Японии — главное, пустите нас сфоткаться у вашей кровати!]

[@ZTO @Yunda @SF-Express @YTO @STO @Danbird — слышите, молодой господин Чжоу передает вам привет!]

[Тегаем всех! Поддержим каждую безумную мечту и дождемся дня, когда статуя Свободы превратится в статую Сокровища Циншаня!]

...

Дразнить-то весело, а вот вымаливать прощение — сущий ад.

В прошлой жизни, когда они были вместе, Чжоу Чун обожал его поддевать, а когда тот обижался — осыпал объятиями и поцелуями.

По-свински, конечно.

Но ему нравилось.

Он всей душой желал видеть на лице Сокровища Циншаня хоть какие-то эмоции, кроме вечной маски невозмутимости.

Теперь, когда он бегал за ним хвостиком и задабривал, на душе было точь-в-точь как в те счастливые времена, и улыбка сама расползлась до ушей.

Вечером перед сном он едва машинально не сгреб его в охапку.

А заснув, увидел во сне прошлую жизнь: как снова разозлил Сокровище Циншаня и долго вымаливал прощение.

В конце сна он прижимал его к постели, клялся, что больше ни за что не устроит бесчинств на кухне, не станет спаивать вином и нашептывать всякие бесстыдства, а потом спрашивал: «Хочешь, обслужу тебя так, как ты сам любишь? Только не злись, ладно?»

И, разумеется, в следующий раз повторял все снова.

Чем больше он вспоминал, тем слаще становилось на душе.

На следующее утро Шань Циншань окинул его холодным взглядом:

— Что тебе снилось прошлой ночью?

Чжоу Чун похолодел: неужели он от избытка чувств проболтался во сне и Сокровище Циншань прослушал весь этот эротический спектакль от начала до конца?!

Под глазами Шань Циншаня залегли тени.

— Ты всю ночь под боком хихикал.

Чжоу Чуну стало и смешно, и жалко его, и радостно от того, что пронесло.

Обошлось.

Слава богу, не наговорил ничего такого, от чего парень сбежал бы среди ночи.

Но то, что такие мысли бродили только в его голове,ставляло его форменным озабоченным.

Когда уже Сокровище Циншань проявит к нему хоть капельку плотского интереса?

Позавтракав, они отправились к съемочной группе. Поскольку Шань Циншань и Чжоу Чун накануне выполнили больше всех заданий, им досталось право первыми выбрать участок.

Следующей выбирала Цянь Вэй.

Остальные трое участников с заданиями не справились и разыграли оставшиеся наделы в

старый добрый «камень-ножницы-бумага».

Когда участки распределили, режиссер привел всех к самому большому навозному отстойнику в деревне.

— Почти все удобрения деревни берутся отсюда, — объявил режиссер.

Зловоние стояло невыносимое — даже мужчины едва держались на ногах, не говоря уже о девушках.

В чате трансляции зрители признавались, что убойная сила этой выгребной ямы ощущается даже сквозь экраны и провода.

— Необходимо удобрить весь рапс на полях, чтобы обеспечить урожай на будущий год, — продолжил режиссер.

Инвентарь раздала съемочная группа.

Пань Инчжэ взял черпак для навоза и, проходя мимо Чжоу Чуна, внезапно услышал шепот:

— Еще раз ляпнешь что-нибудь лишнее Сокровищу Циншаню — приблю.

Пань Инчжэ вздрогнул и с черпаком наперевес поспешил убраться подальше.

Участок Чжоу Чуна и Шань Циншаня был небольшим.

К тому же Шань Циншань привык к крестьянскому труду и работал споро.

Закончив со своим полем, они пошли на помощь Цянь Вэй.

Цянь Вэй от едкого запаха навозной жижи не могла открыть глаз и непрерывно давилась тошнотой; завидев Шань Циншаня, она между позывами к рвоте рассыпалась в благодарностях, и вскоре с ее участком тоже было покончено.

Цянь Вэй держалась за разболевшуюся от вони голову:

— Все, я больше не могу, пойду отмываться. Хотите помыться у меня? У меня условия получше, чем у вас.

— Ладно, — согласился Чжоу Чун. — Заскочим за сменной одеждой и придем.

— Тогда я вперед, а то мне кажется, я даже обедать не смогу... бе-е!

Возвращаясь за вещами, Шань Циншань и Чжоу Чун проходили мимо надела Фан Жуна. Шань Циншань притормозил и с инвентарем в руках направился к нему:

— Дядя Фан.

Фан Жун остановился.

— Вы делаете неправильно.

Фан Жун нахмурился.

«Даже навоз лить — и то есть правильный способ?!»

— Нужно лить меньше, иначе можно сжечь корни, — показал Шань Циншань, а затем перевел взгляд на обочину дороги, где стояла пожилая женщина и с тревогой наблюдала за ними. — Для вас это просто задание, а для той бабушки — надежда выжить в следующем году.

Фан Жун опешил и тоже посмотрел на стоявшую у дороги старушку.

Она не решалась подойти ближе, но в ее глазах читалось неприкрытое беспокойство.

Поля для заданий съемочная группа арендовала за свой счет.

Овощи собрали — и собрали, продали — и продали.

Но то, что росло на корню, если погибнет — придется высаживать заново.

Фан Жун крепче сжал черенок:

— Пойду предупрежу остальных двоих, чтобы тоже были аккуратнее.

— Хорошо.

Шань Циншань и Чжоу Чун вернулись домой за чистой одеждой и отправились мыться к Цянь Вэй.

Мыться вместе, разумеется, было нельзя.

Чжоу Чун в себе слишком сомневался:

если у него встанет так, что хоть потолок подпирай, Сокровище Циншань испугается и улетит куда подальше.

Но это не мешало Чжоу Чуну распускать перья.

Пользуясь тем, что камеры сейчас выключены, он поинтересовался:

— Сокровище Циншань, а у тебя есть кубики пресса?

— Есть.

— Сколько?

— Две штуки.

Не от тренировок — от тяжелой работы.

— А у меня восемь! И грудные мышцы, и линия Аполлона — хочешь посмотреть?

«Сокровище Циншань пока не проявляет интереса только потому, что еще не распробовал.

Он ведь пока натурал.

Но стоит положить начало и показать ему свое тело...

Пусть невинности он меня сразу и не лишит, но хотя бы слюнки на мое тело пускать начнет?

Чему еще человеку радоваться в этой жизни, как не плотским утехам?

Дежурному „как дела“?!»

Чжоу Чун задрал футболку:

«Ну же!

Смотри!

Не сдерживайся!

Возжелай меня!

Не мне же одному эротические сны смотреть!»

Шань Циншань мазнул по нему взглядом и посмотрел на него как на умалишенного:

— Тебе не холодно?

— ...Холодно.

— Я первый в душ.

Шань Циншань бесстрастно удалился.

...

Чжоу Чуну показалось, будто по комнате пронесся унылый сквозняк.

Он опустил голову и снова приподнял одежду, разглядывая себя:

он растерял свое обаяние или Сокровище просто непробиваемый натурал?

В прошлой жизни Сокровище Циншань обожал его гладить, да так умело, что у Чжоу Чуна дух захватывало от удовольствия.

Чжоу Чун погладил свой пресс, предаваясь горькой печали.

Как раз в этот момент Шань Циншань что-то забыл и вышел обратно.

Их взгляды встретились.

В воздухе повисла густая, неловкая тишина.

Шань Циншань дружески предупредил:

— Заметно, как сильно ты ими любишься, но от переохлаждения бывает понос.

Чжоу Чун молча опустил одежду.

— Если уж они тебе настолько дороги, можешь дать каждому кубику имя, — добавил Шань Циншань.

— ...Я не идиот.

Шань Циншань молча смотрел на него.

Безмолвие было красноречивее любых слов.

Чжоу Чун аж усмехнулся от досады.

И ради кого он старался?

Не ради того ли, чтобы его соблазнить?

Мало того что соблазнение провалилось, так еще и насмешек огреб.

Как же хотелось зацеловать его до полусмерти, чтобы выместить обиду!

Шань Циншань вышел из ванной после душа.

Острый глаз Чжоу Чуна тут же заметил на его шее красный шнурок:

— Что это у тебя на шее?

<http://bllate.org/book/19795/1950914>